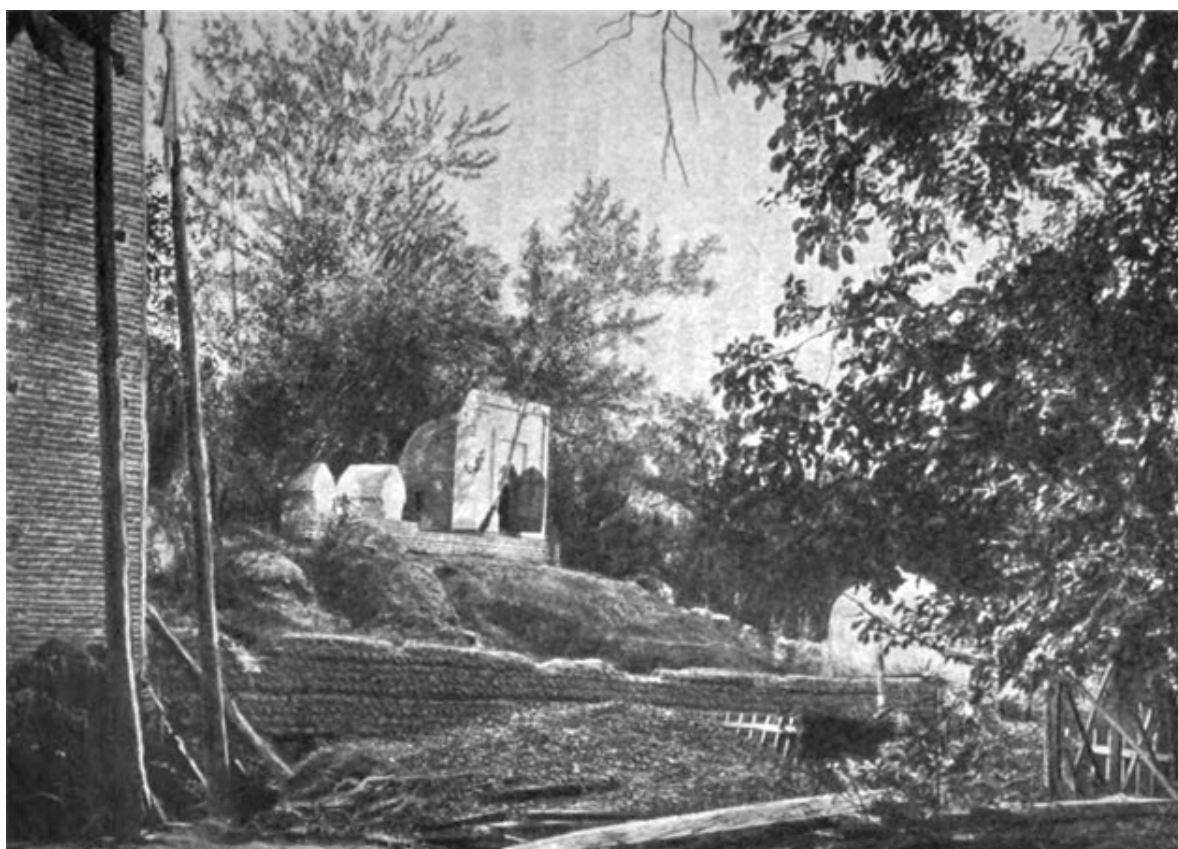

Царица Алая

Б. Л. Тагеев (Рустам-Бек). На Востоке. Очерки и рассказы из жизни на далеких окраинах Азии. — Варшава, 1902.

Могила казненного Камчи-бека и место погребения его матери, Курбан-Джан-датхи. 1907

I.

В одном из многочисленных ущелий Алайского хребта, носящем название Яга-Чарт, под отвесною высокою скалою, ютится небольшой аул, состоящий не более как из десятка юрт. Но не похож этот аул на прочие киргизские кочевки. Какой-то особенный порядок царит здесь, да и сами юрты [кибитки] щеголяют красотою и роскошью.

Приятно ласкает глаз высокая сочная трава и живописно разметавшаяся арча [смолистое дерево вроде пихты]. Многочисленные стада баранов и рогатого скота, громадные табуны лошадей и верблюдов оживляют этот красивый, хотя немного суровый пейзаж, придавая ему более мягкий оттенок.

Около самого подножия одной из гор, недалеко от аула, стоит старая маленькая юрта, выделяющаяся среди прочих, богато убранных кибиток. Несколько лет тому назад, посетив этот уголок грозного Алая, я застал там кипучую жизнь. Целые толпы веселых киргизов обступили меня, скаля свои белые зубы.

Теперь, в 1896 году, когда я, по обыкновению, путешествуя в Алайских горах, заехал в это уютное ущелье, меня сразу поразила необыкновенная тишина, царящая в Яга-Чарте.

Те же юрты, серенькими грибочками выглядывающие из ковра зеленой травы, те же стада баранов, те же киргизки, бегающие с турсуками [турсук — мешок из кожи] для приготовления кумысу, — все это было как прежде; но я не видел того радушия, с которым, бывало, встречали меня хозяева этого аула, я не видел их добродушных скуластых лиц, и мне стало необыкновенно грустно.

Два киргиза в черных бараньих шапках прошли мимо меня, бросив исподлобья сердитый взгляд, и скрылись в дверях одной из кибиток; никто даже лошади моей не принял, а прежде, бывало, со всех сторон сбегались люди, чтобы взять и поводить усталое животное, совершившее нелегкую дорогу.

Увидя сидевшего подле юрты старика, я подъехал к нему и попросил по-киргизски, чтобы он проводил меня в юрту к Курбан-Джан-датхе. Киргиз что-то пробормотал себе под нос, укоризненно покачал головой и двинулся вперед, указывая мне путь. Подойдя к маленькой, отдельно стоящей юрте, он отдернул кошму, заслонявшую входное отверстие в кибитку. На меня пахло чем-то кислым, прелым. Я удивленно посмотрел на своего проводника, думая, что он, не поняв меня, привел к какой-нибудь другой юрте, но тот как бы угадал мою мысль и, указывая рукою на дверь, сказал:

— Мана датха [вот датха].

Я нагнул голову и вошел в юрту.

Мрак, царивший внутри ее, и резкий переход от света к темноте не дали мне возможности сразу рассмотреть внутренность юрты, но предупредительный проводник оттянул кусок кошмы, закрывавший тюнтяк [верхнее отверстие юрты], и я был поражен представившимся мне зрелищем.

В трех шагах от меня, на голой земле, в страшном рубище, сквозь дыры которого сквозило сухое черное тело, сидела маленькая, жалкая старуха; ее реденькие седые волосы какими-то жидкими хвостиками покрывали сморщенное, похожее на печеное яблоко лицо. Она устремила на меня свои слезящиеся глаза и, шамкая своим беззубым ртом, бормотала непонятные мне слова.

Я присел на корточки около нее и проговорил обычное приветствие. Старуха дико посмотрела на меня и вдруг захохотала своим старческим дребезжащим смехом. Холод пробежал по моей спине от этого хохота...

И это — датха [правительница], это — бывшая царица Алая, перед которой трепетали кокандские ханы, одного слова которой было достаточно, чтобы казнить и миловать? Это — та самая датха, которая несколько раз, окруженная своими сыновьями, принимала меня с непритворной радостью, которая еще два года тому

назад, будучи 90-летней старухой, верхом без отдыха проезжала 70 верст, и которую в 1895 году я видел еще совсем бодрой и здоровой.

Боже мой, во что она превратилась теперь! Мне стало необыкновенно тяжело, и я быстро выбежал из юрты и, вскочив на лошадь, отправился к ожидавшим меня спутникам, вспоминая о датхе и ее жизни, полной глубокого трагизма.

II.

Курбан-Джан-датха была женою одного из властителей Алая, Алим-бека, управлявшего им еще задолго до прибытия русских в Туркестан. В район его владений входили тогда все горные системы Алайских гор: богатейшая подножным кормом долина Большого Алая, Заалайский хребет и обширная площадь Памиров, вплоть до владений китайских и Афганистана.

Еще молодою женщиною датха овдовела. Муж ее был убит памиро-алайскими кочевниками во время сбора податей, и юная красавица-киргизка сделалась правительницею Алая.

Отомстив убийцам своего мужа, она собрала около себя целую гурьбу преданных ей батырей [богатырей], а одного из них избрала себе в мужья, оставаясь все же полною правительницею Алайского царства.

Но недолго продолжалась замужняя жизнь правительницы. Второй муж, несколько лет спустя после свадьбы, был убит в стычке с китайцами, оставив ей трех сыновей: Абдулла-бека, Канчи-бека и Махмуд-бека.

Датха сама занялась воспитанием своих сыновей, и из молодых джигитов они постепенно превратились в неустрашимо храбрых батырей. Гордилась датха своими сыновьями, постоянными победителями в улаках [Улак — конная игра. Бросается зарезанный козел, и все стараются отнять его друг у друга и привезти к хозяину.] и байгах [байги — скачки, похожие на европейскую], и она видела в детях своих верных и надежных помощников. Обладая твердой волей и энергичным характером, правительница Алая сразу сумела поставить себя в независимое положение среди окружавших ее диких народов, и в 60-х годах уже приобрела такое значение в Средней Азии, что даже кокандские ханы, с завистью относившиеся к ней, посылали на Алай своих послов, снабженных богатыми дарами.

Однако, несмотря на это обстоятельство, ханы не хотели официально признавать ее «датхою», т. е. правительницею, но в 70-х годах она сумела заставить кокандского хана Худояра титуловать ее царственным титулом и оказывать ей соответствующие почести.

Но вот наступил 1875 год.

Всколыхнулось, зашумело алайское население. Достигли и до датхи слухи, что идут на Коканд победоносные русские войска, перед которыми уже пали одно за другим кокандские укрепления. Вот слышит она, что сдан и Коканд и, наконец, в 1875 году доносится до царицы еще одна ужасная весть, что Автобачи, этот знаменитый коновод кипчаков, взят русскими и отправлен в Россию.

Весть эта с быстротою молнии разнеслась по вновь покоренному Кокандскому ханству и, переходя из ущелья в ущелье, пронеслась над всем краем. Закипело, заколыхалось горное население Алая, и шайки отважных батырей стали пополняться новыми и новыми силами. Сердце Курбан-Джан-датхи радовалось, что батыри грудью стояли за свою родину, не желая подчиниться «гяурам».

Всеми силами старались муллы поднять мусульман на священную войну против русских, а тем временем датха, не щадя ни сил, ни средств, готовилась к походу. И вот в 1876 г. огромные шайки кипчаков и кара-киргизов, имея во главе старшего сына датхи, Абдулла-бека, открыто восстали против русских. Это обстоятельство заставило Россию покончить с Алаем, и в том же году из Маргелана, под начальством командующего войсками Ферганской области генерал-майора Скобелева 2-го, выступил отряд, состоящий из трех родов оружия.

Отряд этот, во главе с своим храбрым начальником, двинулся по Ошско-Гульчинской дороге, и наконец остановился в м. Гульча, откуда были высланы конные разъезды для рекогносцировок.

Много было аулов в Гульчинской долине, но как услышали киргизы о движении русских, они бросились все со скотом и скарбом к Кашгару, предоставив батырям защищать родную страну.

Покидала свою дорогую родину и Курбан-Джан-датха. Как мать расстается с своим детищем, так и она расставалась с Алаем, поручив его всецело своим сыновьям.

Не торопясь, отправляла она свои многочисленные стада в Кашгар через суровый перевал Терек-Давань, и вслед за имуществом, в сопровождении многочисленных джигитов и сына своего Канчи-бека, отправилась туда же и сама.

Тяжело было на сердце у царицы, но она не теряла надежды и крепко верила, что Аллах не допустит гибели ее дорогого сокровища — Алая.

III.

Между тем Абдулла-бек с братом своим Махмуд-беком и скопищем киргизов и кипчаков твердо укрепились в урочище Янги-Арыке, построили укрепление с каменными завалами, и дали клятву, что отстоят свое орлиное гнездо. Вполне был уверен Абдулла-бек, что позиция его неприступна, тем более что он надеялся на большую воду в реке Янги-Арыке, которая не даст русским перейти на другую сторону.

Тщетно старался русский отряд выбить горцев из их засады, пока наконец Скобелев не прибег к трудным и большим обходам. План был таков: справа со стороны перевала Талбык [12000 ф. выс.] наступал отряд майора Ионова, который, построив через речку Белаули висячий мост, зашел в тыл Абдулла-беку. Отступление же к кургану Омар-бека отрезали две казачьи сотни, под командою полковника князя Витгенштейна. Тут только Абдулла-бек увидел, что сопротивление невозможно, и бросился через большой перевал Кизиль-Арт [14000 ф. выс.] на Памиры.

Летучий отряд князя Витгенштейна по пятам преследовал Абдулла-бека, но тот, с ловкостью горного козла, завертывался от него, завлекая таким образом князя вглубь Заалайского хребта, где весь летучий отряд чуть не погиб у озера

Кара-Куль во время метели, отрезанный огромным перевалом, без провианта и фуража. Благодаря этому обстоятельству, Абдулла-беку удалось увернуться от преследования русских, и он с небольшим числом людей, в сопровождении своего брата, Махмуд-бека, через весь Памир, бежал в пределы Афганистана и, прислав оттуда заклятие из Корана, что не будет больше воевать, а также сломанный клынч [клынч — шашка] в знак примирения, ушел в Мекку, но умер по дороге в пустыне. Между тем стада и имущество Курбан-Джан-датхи были еще на пути к Кашгару разграблены китайцами, и бедная царица принуждена была броситься по следам своих сыновей с остатками уцелевших богатств, т. е. к перевалу Кизиль-Арту. Но и эта попытка ее оказалась неудачною.

Недалеко от перевала наткнулась она на возвращавшийся отряд князя Витгенштейна, которым и была арестована и отведена к генералу Скобелеву.

Ласково обошелся с пленницею Белый генерал, одарил он ее почетными халатами, обласкал бывшего с нею сына, Канчи-бека, и советовал ей воспользоваться ее безграничным влиянием на дикое население и повлиять на него в духе миролюбия.

Умная царица, поняв свое положение и не видя ничего унижительного в подчинении себя русской власти, дала обещание туркестанскому герою, что мир и тишина будут царить в долинах Алая.

После удачного дела при Янги-Арыке, русский отряд, перевалив Алайский хребет, через перевал Талдык, наконец вышел на долину Большого Алая и, окопавшись около местечка Сары-Таш, ожидал дальнейших распоряжений. Между тем шайки киргизов не переставали показываться и, несмотря на утрату своих предводителей, сильно беспокоили отряд, производя ночные атаки. Простояв несколько месяцев на Алае, отряд прошел на запад по долине до ущелий Кара-Мука, перевалил через перевал Кара-Казык и, спустившись в долину Шахи-Мардана, через Вуадил, возвратился обратно в Маргелан.

IV.

Прошло долгих 17 лет со времени покорения Алая, и население его уже совершенно освоилось с жизнью под русским владычеством. Смирились и батыри, и занялись они своим скотом и охотою. Свято хранила данное обещание датха, по-прежнему поселилась она в Яга-Чарте и, пользуясь своим безграничным влиянием, охраняла мир и спокойствие на Алае, а сыновья ее сделали ее помощниками и верными слугами русскому правительству. Были назначены они волостными управителями [управителями-мимбашами], а мимбашаи пользуются громадною властью над туземцами в Туркестане. Всегда с необыкновенным радушием встречали беки вместе со своею матерью русских путешественников, всегда старались, чем только могли, угостить их. Сколько раз приходилось мне самому принимать участие в их торжествах и увеселениях!

Во время следования памирского отряда через Алай, датха угостила на славу и солдат, и офицеров. Любили и русские царицу Алая.

Много лет правил Махмуд-бек Гульчинской волостью, а Мирза-Паяс, его племянник, — Алаем. Много медалей и почетных халатов было у обоих управителей, и радовалась престарелая датха на своих сыновей.

Только один Канчи-бек огорчал свою старуху-мать. Уж очень был крутого нрава, и ходили слухи, что занимается он провозом контрабандных товаров. Сколько ни старались поймать его таможенные стражники, но так и не удалось им подстеречь увертливого батыря.

Вдруг тревожная весть дошла до русского начальства, — весть о бесследном исчезновении таможенного объездчика и двух стражников. Все поиски оказались тщетными. Ходили кое-какие слухи, но основанные на одних предположениях. Чиновники, командированные на Алай, возвратились ни с чем, а объездчик Боровков и его два джигита так и канули в воду.

Отлично знали киргизы, в чем дело, да молчали пока, боясь выдать тайну. Знал и Махмуд с Мирза-Паясом, да не хотели они выдавать виновника, тем более что косвенно в этом деле был замешан их брат Канчи-бек.

Вдруг все разоблачилось само собою. Совершенно случайно участковый пристав наткнулся на сожженный труп лошади. Приехал следователь, началось следствие, вскоре все окончательно выяснившееся.

Испугался Махмуд-бек и Мирза-Паяс, что очень уж долго скрывали они преступление, и донесли рапортом начальнику уезда о случившемся. Да было уже поздно. Вместе с Канчи-беком они были арестованы и посажены в тюрьму за укрывательство преступления.

Великое горе разразилось над головою бедной матери, но ее материнское сердце вполне было уверено, что сыновья ее невинны в этом темном деле.

Между тем следствие выяснило, что объездчик, запасный унтер офицер Боровков, был послан в сопровождении двоих стражников для объезда линии и около перевала Белеаулие встретил караван контрабандистов, везших «нашу» [«наша» — наркотическое курево туземцев, запрещенное правительством].

Осмотрев караван, Боровков приказал следовать ему за собою к таможенному пункту, но контрабандисты воспротивились и предложили Боровкову взятку, которую тот сначала изъявил согласие принять, но потом раздумал и силой хотел принудить киргизов подчиниться его требованию. Произошла схватка. Револютеры объездчика и его стражников оказались без патронов, а потому киргизы, осилив таможенных, связали их и послали джигита с донесением к Канчи-беку, к которому и везли контрабанду, а сами ожидали разрешения вопроса, что делать с русскими.

К несчастью, Канчи-бека не было дома; он в то время находился за 90 верст в Гульче, и на место происшествия приехал его 12-летний сын Арслан-бек и приказал крепче связать таможенных и везти их в аул, а сам уехал.

Связывая Боровкова, один из киргизов веревкой содрал с его руки кожу, с которой потекла кровь, на что Боровков и заметил, что за его кровь они ответят жизнью.

Киргизы испугались, тем более что по их законам за кровь мстят кровью. Подумали, посоветовались между собою и решили прикончить с таможенными.

Под арчою таможенные были по очереди задушены, причем Боровкова задушили последним, и он видел смерть своих товарищей. Трупы и оружие были спрятаны в пещере, а лошади съедены и кости их сожжены. Когда явился Канчи-бек, то стражников и след простыл. Узнали об этом его братья волостные, ужасно испугались и приказали всем старшинам молчать о случившемся.

V.

В областной тюрьме Нового Маргелана в одиночных камерах сидят двадцать один киргиз, арестованные по делу об убийстве таможенных. Вот уже два года сидят они, свободные дети гор, под строгим надзором тюремного начальства. Побледнел, осунулся полный Махмуд-бек, а тут еще новое горе постигло его. Ехал навестить заключенного отца молодой сын его, да по дороге сорвался и разможил себе он голову о камни. Не судил, знать, Аллах увидет сыну позор своего отца.

Мрачный, точно запертый в клетку волк, сидит в тюрьме Канчи-бек и шепчет молитвы, соблюдая строгую уразу [пост].

Приехала и датха в Маргелан, и посетила бедная мать сыновей своих. Поддерживаемая под руки двумя почтенными туземцами, вошла бывшая царица Алая в тюрьму. Дрогнуло сердце старухи при виде детей своих в арестантских халатах. Горько заплакала датха. Не думала бывшая царица дожить до такого позора, что дети ее попадут в тюрьму наравне с ворами и мошенниками. Уж лучше задушила бы она их собственными руками.

Настали дни суда. Дело разбиралось при закрытых дверях. Несколько дней длились прения, и наконец наступил день объявления приговора.

С восьми часов утра до семи вечера сидели арестанты в ожидании своей участи, и вот наконец вошел суд...

Девять киргизов были приговорены к смертной казни, и в числе их Канчи-бек с сыном Арсланом, а Махмуд-бек и Мирза-Паяс приговорены к каторжным работам; остальные оправданы за недостатком улики.

В неописанное отчаяние пришла Курбан-Джан-датха. Несмотря на свою дряхлость, поехала она к губернатору, генералу Повало-Швыйковскому, валялась в

ногах у него и молила о смягчении участи сыновей. Но было уже поздно. Велико было горе матери, у которой судьба на глазах отнимала детей.

Уехала датха из Маргелана к себе на зимовку, как обыкновенно, верхом, и заболела там бывшая царица; не вынесла она нравственной пытки.

Между тем смертный приговор был подтвержден туркестанским генерал-губернатором только над Канчи-беком и киргизом Палваном, а остальным казнь заменена каторгой. Махмуду же, Мирзе-Паясу и Арслан-беку наказание заменено ссылкой в Сибирь.

VI.

По Ошской дороге движется сотня казаков 6-го Оренбургского полка.

На арбе, в оковах, сидят с мрачными лицами два киргиза. Один с красивым разбойничьим лицом, не лишенным величия, другой маленький, с черной бородкой, с узкими прорезами глаз, представляет собою заурядный тип киргиза племени адыгин. Это Канчи-бек и Палван, осужденные на смерть, конвоируемые сотнею, отправляются в город Ош, где и должны быть повешены у подножия Алая.

Алай, на котором родились они, провели детство и юность, дорогой их Алай, с которым два года назад они расстались в надежде скоро увидеть его, — опять перед ними, такой же грозный, такой же суровый, с теми же снежными вершинами, на которые, бывало, с радостью смотрели осужденные, любясь их красотой и величием.

Какое же теперь производит он на них впечатление? С каким чувством приближаются осужденные к своей родине? С какими мыслями всматриваются они в темные, чернеющие впереди ущелья?

Вдруг кто-то дернул Канчи-бека за плечо; вздрогнул он и очнулся от своей задумчивости...

— Айда, слазь, — слышит он голос конвойного казака, и снова действительность во всем своем ужасе развертывается перед ним.

Солнце уже совсем почти спряталось за серебристый хребет Большого Алая, красиво озарив его снежные вершины. Холодный мрак ночи уже окутал кишлак Араван, в котором остановились на ночлег осужденные на казнь преступники.

Мрачный покой царит над небольшим бивуаком, и только мерные шаги часового казака раздаются среди гробовой тишины.

2-го марта 1895 года состоялась казнь над осужденными.

На большой площади в гор. Оше [за 90 верст от Маргелана, ближе к месту убийства таможенных] была приготовлена виселица с двумя железными кольцами. Целое море пестрых халатов уже наводнило все улицы.

Прибыл из Маргелана и военный губернатор генерал Повало-Швуйковский присутствовать при казни Канчи-бека.

В 10½ часов вдруг толпа заволновалась, и пронесся шепот: «Везут». Вскоре показались медленнодвигающиеся две черные арбы, окруженные конвоем. Впряженные в них черные лошади и арбакеши во всем черном тяжело действовали на окружающих.

Спокоен, но мрачен сын Алая, часто поднимает он руки к небу и громко читает молитву.

Мерно движутся, блистая на солнце штыками, конвойные солдаты, невеселы их лица, шаг за шагом идут они за арбами. И вот наконец печальная процессия подошла к эшафоту.

Гордо с достоинством держал себя Канчи-бек во время чтения смертного приговора, смело готовился он встретить смерть. Не раз уж приходилось ему встречаться с нею лицом к лицу; только видно было, как досадно горному орлу, что подрезаны его крылья, что не может он в бою сложить свою буйную голову.

Не так вел себя Палван. Растерялся бедный и упал на колени, прося помилования. После прочтения приговора воцарилась гробовая тишина.

— Можно мне еще раз помолиться? — спросил генерала Канчи-бек и, получив разрешение, стал на колени и, подняв руки к небу, прочел краткую молитву, затем встал и промолвил: — Довольно молиться, — снова повернулся к генералу, сказал: — Я готов, — и сам подошел к палачу.

Вот уже крепко связаны его руки, и белый саван, казалось, сейчас скроет представительную фигуру Канчи-бека. Вот уж надевают его на голову батыря. Поднял глаза Канчи-бек и увидел ряд синееющих гор с снежными вершинами, и показалось ему, что кивают они своими седыми головами.

— Прощай, Алай, — прошептали его губы, и белый саван, как страшная завеса, закрыл навсегда его от всего живого, светлого.

Быстро подвели осужденного к скамье, и он сам встал на нее. Палач начал возиться около его шеи... прошло еще мгновение, и палач сильно толкнул скамью...

Канчи-бек погиб.

Распалась семья бывшей царицы Алая, осталась она одинокая, убитая горем, несчастная. Отдала она все имущество свое родичам и поселилась в Яга-Чарте в старой дырявой юрте, и сидит она в ней в рубище, все плача о своих погибших детях.

Не выдержал мозг старой датхи, лишилась она рассудка, и ждет несчастная мать возвращения своих батырей.

Но стара датха, недолго остается ей скитаться на этом свете, и со смертью ее навеки угаснет владетельный род на Алае, и лишь предания о ее былом могуществе и силе будут передаваться из рода в род среди кочевого населения, от подножий Алая до седых памирских высот.